

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Оформление серии *Ильи Саукова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использована работа
Олега Щербакова

Перумов, Ник.

П26 Война ангелов. Великая пустота / Ник Перумов. —
Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. (Ник Перумов).

ISBN 978-5-04-101768-2

Неспокойные времена грядут в благословенной Долине магов. Гильдия боевых магов достигла своего расцвета: заказы из разных миров сыплются один за другим, другие Гильдии требуют сопровождения в путешествиях, а боевых магов на всех не хватает. Однако законы Долины, установленные самими Основателями, запрещают любое расширение. Тогда Ричард д'Ассини, глава Гильдии, призывает изменить закон. Так Клара Хюммель, боевой маг по найму, попадает меж двух огней — в конфликт между своей Гильдией и Архимагом Долины Игнациусом Коппером.

А в это время далеко отсюда молодой ловец магических тварей по имени Эварха получает крайне необычный заказ.

И никому невдомек, что эти события тесно связаны, и приведут они к настоящей катастрофе...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101768-2 © Перумов Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

Топот ног за тяжёлой дубовой дверью; топот быстрый — кто-то несётся по ступеням во весь опор.

Сухопарый немолодой человек в очень светлой сутане поднялся из-за письменного стола, ровным шагом подошёл к арчатому входу, спокойным движением отодвинул засов.

— Владыка! Досточтимый магистр!..

— Что такое, сыне? В чём дело, что взволновало тебя? Входи же, входи скорее!..

— Отче, отче магистр, — кадык говорившего судорожно дёрнулся. — Простите меня, недостойного, Спасителя ради... Подземелья, владыка! Подземелья!..

— Так. Спокойнее, сын мой. Разве достойно подобное верного слуги Спасителя? Что стряслось с подземельями?

— Там, там, владыка! Там такое!.. Нестроенье, сила незримая бушует!

Магистр едва сдержал дрожь в пальцах. Случись здесь по-настоящему хитроумный отец Бенедикт, или местный епископ, или, скажем, старый лис, настоятель столичного монастыря святого Огня, — непременно бы это углядели.

И, конечно, насторожились бы.

Потому что все хотят получить обещанное, но даже вернейшие из верных могут дрогнуть.

Однако весть принёс незнакомый монах, молодой, тощий, перепуганный и к тому же заметно робевший высокоучёного магистра, — он, само собой, ничего не заметил.

Хозяин кабинета не спеша вернулся к столу, смуглые пальцы с преувеличенной аккуратностью переложили перо.

— Как имя твоё, сын мой?

— Брат Антоний, отче, — дрожал новоприбывший. — Послушание своё прохожу в вивлиофике монастырской, хранилище у нас в подземелье, и там — там стены трястись ка-ак почали!.. И по ним, по стенам, то есть — ой, потёки, красные такие, ну чисто кровь!.. Книги сами собой с полок валяются!.. А ещё... вот.

Монах, не смея поднять глаз, протянул магистру обрывок пергамента — неровный, исчёрканный и испятнанный; на таких писцы обычно пробуют чернила с красками.

Посередине обрывок опалило огнём, и в копоти насквозь прожжено было одно-единственное слово: «Грядущ».

Магистр повертел листок, и обугленные края букв посыпались на пол невесомыми чёрными хлопьями.

Да. Всё точно. Воистину грядёт.

От пергамента прямо-таки разило Силой. Чистой. Беспримесной. Яростной. Той Силой, которой Спаситель некогда творил чудеса, сойдя в Игнис, той, которая после мученической Его кончины наполняла Его храмы по всей земле.

Той Силой, которую они ждали.

Силой Последних Дней, конца старого порядка и началом совершенного иного бытия для всех.

— Не дрожи так, сын мой, — мягко улыбнулся магистр. — Долг свой ты исполнил, доложил всё как подобает. Скажи теперь — когда это началось? Недавно, так?

— Как к обедне прозвонили...

Магистр кинул мимолётный взгляд в стрельчатое, забранное затейливым переплётom окно — солнце ещё и не начинало клониться к закату. Да, верно, совсем недавно.

— Извещал ли ты об этом ещё кого-нибудь, брат Антоний? Отца настоятеля? Старшего келаря? Или хотя бы первых встречных?

— Н-нет... — задрожал несчастный библиотекарь. — Я ж сразу понял, владыка, дело неотложной важности! Только вы и разберётесь, доброе то знамение или... или... Дни Последние грядут... Знамо ведь, для чего труды все наши да чего ожидаем со смирением...

Ишь ты, «известно ему» да «чего все ждут»...

Магистр, впрочем, ничем не выдал насмешки. Значит, о случившемся ещё никто не знает, ни настоятель, ни кто-то ещё, кроме одного лишь брата Михаэля, нёсшего бессменную стражу у дверей своего патрона — но Михаэль вернее могилы.

И это хорошо, ибо сказано — «в Дни Последние сыщутся нетвёрдые духом и верой даже и среди тех, кто выше иных поднялся; ибо слишком много сил тратят таковые на сам подъём, забыв, ради чего к Небу стремиться должно изначально».

Не следует сеять сомнения и умножать колебания. И без того не все в Церкви едины в толковании святого Серапиона, не все одобряют затеянное, если не явно, то тайно, и магистр об этом знал. Как знал и то, что многие и многие слуги Спасителявы счастливы принять высокую судьбу избранных воинов Его, в чём бы она ни состояла. Вот брат Антоний — наверняка из их числа, только больно уж худ и болезненно бледен... Магистр вздохнул. Всё, что Спаситель ни делает, — к лучшему. Плоть человеческая слаба, и не всякий желающий делается воином Его, но сможет послужить общему делу по-другому.

— Что ж, — магистр аккуратно собрал свитки, — пойдём, сын мой, покажешь, что там у тебя творится. Нет, не сюда — слишком долго спускаться. Есть другой путь.

Окажись брат библиотекарь хоть чуток старше или умнее, то наверняка бы насторожился; но монашек Антоний, растерянный, весь в красных пятнах от волнения, только кивнул.

Магистр указал на открывшуюся прямо в стене покоя винтовую лесенку, ведущую куда-то вниз, в пыльную темноту.

Взял из ржавого кольца на стене заранее приготовленный Михаэлем факел — Михаэль всегда следил за этим — и ступил на узкие крутые ступени. Библиотекарь шаркал следом, придерживая полы, бормотал едва разборчиво:

— Я ведь недавно в должности-то, как отец Натаниэль помер, упокой Спаситель его душу... Ещё не всё в порядок привёл, у нас ведь, знаете, отче, есть тома и зачарованные, даже Писания... к ним ведь подход нужен, отче магистр... особенно если копировать... А как вы прибыли да как отец настоятель сказал, что у нас в монастыре знамение может случиться, так я их все запер покрепче, есть у нас в винном погребе каморка... чтобы, значит, не было от них вреда... Отче магистр, отче, но что же это выходит — Последние Дни наступают? Он является, Он грядёт? И мир наш утонет в огне очистительном? И спасутся лишь избранные Им?

Да. Этот монашек может, и знает Писание как свои пять пальцев, и речения святого Серапиона читывал с толкованиями, но дух его слаб, да и тело немощно. Что ж, отлично. Это облегчает дело, сильно облегчает...

— Владыка, отче, но как же так, если то и впрямь Дни Последние, если это знамения конца...

— Мы пришли, — перебил магистр, поднимая факел повыше.

— А... э... владыка... но... нам же в книгохранилище! — брат Антоний уставился на своего спутника, от волнения вцепившись в клочковатую бородку.

— Верно, — одобрительно кивнул магистр. — Книгохранилище — во-он за той дверью. О нём не беспокойся. А нам с тобой — в противоположную сторону.

Не искушай слабых, не подвергай их испытаниям, кои не по силам. Не смущай их души, не воздвигай ненужных преград на пути их к великому Спасению и Возвышению.

Сохраняй тайну — до срока.

Магистр решительно шагал по узкому, сдавленному желтоватыми каменными стенами проходу — свет от факела, трепещущий, неверный, не столько разгонял тени, сколько заставлял их кривиться и плясать под ногами.

Совершенно сбитый с толку брат Антоний брёл следом, недоумённо бормоча:

— Отче, нам ведь вивлиофика нужна, отче! Зачем мы сюда?.. В другую сторону надо!

Магистр не слушал — уверенно шёл вперёд, высоко поднимая над головой факел.

Не прислушивайся к стенаниям слабых духом. Они не ведают своего счастья.

Наконец коридор упёрся в решётку: толстые, тронутые ржавчиной прутья уходили в стены и пол, за ними небольшая камера — не камера, а скорее каменный мешок, настоящий колодец;

потолок терялся в вышине, вниз из крошечного окошка падал тусклый луч позднего дня.

Факел, угасая, зашипел в ведре с водой, словно задушенный; магистр крепко взял брата Антония за плечо. Подвёл вплотную к решётке:

— Гляди, сын мой, гляди! Во все глаза гляди! Мало кому счастье такое выпадало, до срока лицезреть одного из Них!

Брат библиотекарь побелел как извёстка. От страха бедняга совсем потерялся — стоял, вцепившись в локоть магистра, бормотал трясущимися губами:

— Отче наш Спаситель... Помилуй чад своих... Избави от порождений мрака и лукавства... И-избави...

И было тут, от чего побледнеть.

В каморке, на небольшом каменном возвышении, застыло тело: куда крупнее человеческого, жемчужно-белое, светящееся мягким молочным светом в рассеянном луче, падавшем сверху. На первый взгляд его словно бы окутывал саван, но то был не саван — сложенные крылья, укрывающие создание с головы до пят. Точёное, не полюдски прекрасное лицо запрокинуто, глаза закрыты, грудь не движется. Однако от этого вроде бы безжизненного тела исходила такая мощь, что сам воздух в коридоре искрился белыми мелкими сполохами.

Брат Антоний повернулся к магистру, в глазах плеснуло безумие:

— Ч-что это?!

...Лишь то знание способствует Спасению, кое может быть воспринято внимающим.

— Это, сын мой, и есть Знамение. Знамение грядущих Последних Дней и великого Спасения. Сие есть одна из частей Его, Спасителя грядущего и милосердного, наше оружие и благословение против мрака и ереси. Беспокойство в твоей библиотеке означает, что Он грядёт. Зри!

С этими словами магистр снял с шеи серебряную Спасителю Стрелу, висевшую на тонкой серебряной же цепочке — Стрелу, каковой Он, как известно, поражает всяческие пороки, ереси, мрак и обман. Решительно взмахнул рукой — поперёк решётки лёг крест, символ Его конечной победы. Полыхнуло белым, лицо обжёг порыв горячего ветра. Толстенная решётка исчезла, будто её и не было.

Брат Антоний затрясся, а магистр улыбнулся. Его, как и раньше, как и всегда, затопил восторг — восторг, какой, бывает, охватывает человека в самом сердце бури, когда молнии рвут небо и ветер гнёт деревья. Уже не оставалось места сомнениям и страху. Только восторг, только вера, такая же яростная, чистая и всеуничтожающая, как и сила заточённого в камере существа.

Существа, некогда бывшего таким же, как и он сам.

Но знание это — не для всякого. Даже среди избранных найдутся отступники; даже среди отмеченных Печатью Спасителя окажутся те, кто отпадёт, стоя уже на самом пороге жизни вечной.

— О-отче... Смилуйся...

Раздался шорох — брат библиотекарь сделал попытку упасть на колени; железная рука магистра ухватила его шиворот, удержав.

Существо в камере шевельнулось, медленно село; крылья слегка разошлись, открывая бесполой торс. Веки медленно поднялись, и на прищельцев взглянули громадные, нечеловеческие, замораживающие глаза.

Глаза, в которых жил Свет. Свет — и ничего больше.

— Иди, сын мой, — магистр легонько подтолкнул несчастного юношу. — Иди. Участь твоя высока. Ты — любимое чадо Спасителя и сегодня же будешь с Ним.

— Н-не-нет...

Свет глядел на них безмолвно, ждуще. Брат Антоний дрожал, ноги подгибались; магистру пришлось едва ли не впихивать монашка в камеру; а затем, едва тот оказался внутри, магистр начертал Стрелой запирающий символ — решётка вернулась на место. Впрочем, ненадолго. Теперь — ненадолго.

Там, за решёткой, поднималась, расправляя крылья, высокая светящаяся фигура, нависала над маленьким, упавшим на колени человеком. Пробудившемуся требовались силы.

Магистр отвернулся, в полной темноте двинулся обратно по коридору. Для того, кто владеет искусством Святой магии, её высшими степенями, грубый светоч не нужен.

Значит, думал он, пробудился ещё Один. Из всех Спящих остался последний; впрочем, и его черёд уже близок. Но скоро, скоро и он проснётся, и тогда...

Коридор осветила белая безмолвная вспышка.

— Призри, Отче Спаситель, душу раба твоего Антония, долг свой великий исполнившего, — проворботал магистр.

Осенил себя Спасителевым благословением, коснувшись четырьмя пальцами лба, быстро зашагал прочь.

В конце концов, требовалось проследить, чтобы «нестроения в вивлиофике» угасли бы, как и положено, после того как одно из существ Света получило пищу. Пища доставлялась им с отменной регулярностью, но прежде таких манифестаций не случалось и, само собой, требовалось убедиться, что там всё в порядке.

Кроме того, воинство Спасителя растёт числом, однако ему требуется Предводитель. И вот тут дело пока продвинулось не слишком.

Магистр поднимался по лестнице.

Все предыдущие попытки сотворить Начальствующего терпели неудачу. Понятно, что Спаситель так испытывал верность своих преданных слуг, однако другие магистры — и особенно Великий, первый среди равных, — могли усомниться. Дрогнуть. Даже отпасть.

И тогда он бы отвечал перед Ним не только за самого себя, но и за всех, кого утянула с собой его нерасторопность.

Ибо высокоучёный магистр знал — его путь верен. Откровения святого Серапиона поняты, увы, далеко не всеми. До сих пор усилия монастыря Сил Святых заканчивались ничем, после очередной неудачи и гибели трёх высокоучёных братьев (они вознеслись ко Спасителю, и магистр от всего сердца радовался за них; но дело претерпело немалый ущерб, и тем самым всеобщее Спасение хоть немного, но отодвинулось) — он самолично велел прекратить все работы и ждать.

Но, в конце концов, предложение отца Бенедикта казалось вполне разумным. Рискованно? — конечно.

Но великое Спасение требует и великого риска, и жертв. Как же иначе?

Магистр бегло заглянул в библиотеку. Он не ошибся — буйство святых сил прекратилось, Воин успокоился, получив вожделенную пищу. Огненные письма угасали.

— Михаэль.

— Да, отче магистр?

— Пошлите весть отцу Бенедикту, к Силам Святым. Немедленно. Воинство рождается, пришла пора дать ему Начальствующего.